

Вера СУХАНОВА

ПЧЕЛИНЫЙ ПУТЬ

* * *

Пряный запах осенней прели,
Обмелели дни в одночасье,
Гуси-лебеди улетели
На восток, за отблеском счастья.

Первый снег, как пепел остывший,
Тихо падает на герани,
На беседки, дачные крыши,
В сад давно отцветших желаний.

Истончается подоплёка
И не нужно искать участка
В этой жизни, линиялой, блёклой,
Распадающейся на части.

Выпьем с холода чая с мятой,
Он разгонит грустные мысли,
Нет ни правых, ни виноватых
В том, что снова тучи нависли.

* * *

Дождь дрожащими ногами
по асфальту пробежал,
в цветовой осенней гамме
утопая, спит квартал.

Мы с тобой одни на свете,
безутешные в ночи,
как испуганные дети,
потерявшие ключи.

Ночь глазастая опасна
во Вселенной братьев Гримм.
Мы с тобою не напрасно
«да» и «нет» не говорим,

чёрно-белое не носим,
но часов всё громче бой.
Крысолов усталый, Осень,
нас уводит за собой.

Чтобы скрыться от конвоя,
есть один простой развод:
мы с тобой глаза закроем,
и никто нас не найдёт.

ОЗЕРО

Выйдет солнце, разбросает спицы
Над бурливым с ночи до утра
Озером, похожим на копытце,
Из которого ты пил вчера.

А над ним бесшумно коптер кружит,
Берег в травостое, леса клок.
Там, как леший, не живёт, а тужит
Серый хищник, сумеречный волк.

Он, как ты, ни в чем не видит толка,
Смысла ни на грош, хоть волком вой,
И когда тоска накроет волка,
К озеру спешит на водопой.

К ночи напоздает тень угрюмо,
Воля и неволя – всё одно.
И, закрыв глаза, задраив трюмы,
Небо погружается на дно.

* * *

Птичий омут осенних стай,
Затеваается кутерьма,
В небе, как на душе, раздрай,
И вода в облацах темна.

Разгорелся от искры злой
На гнилых болотах сыр-бор,
И пылит ледяной золой
Ветер наших кромешных ссор.

Отзвенит в ушах тишина,
Отгремит раскатистый гром,
И забьет о берег волна
Безучастно, как метроном.

* * *

Я смотрю уже на все сквозь дымку,
И туман крепчает с каждым днем.
Расстели, зима, свои простынки
И укрой меня своим плащом.

У тебя характер жестковатый,
Плетью обуха не перебить,
И колючей снежной стекловаты –
Не соломки – можешь подстелить.

Вдоль дороги горбятся сугробы,
Намела метель их – не пройти.
Так зима распорядилась, чтобы
Не свернули с торного пути.

На морозе быстро застывает
Обожженная слезой щека,
И надрывный ветер подвывает
Мне про степь кругом и ямщика.

ЧЕРНЫЙ КОРАБЛЬ

Чтоб не остаться на мели,
В конце или в начале мая
Уходят в сумрак корабли,
Песочный замок разрушая.
Их флагман – шулер, лиходей -
Играет в черепа и кости.
Он был последним из людей,
Но первым стал, взойдя на мостик.
На палубах искрят огни,
Идет лавиною удача,
И входят медленно они
В далекий порт калек незрячих.
Не знают за собой вины
Матросы призрачного флота.
Убогие обречены,
На них давно идет охота.
Орудия расчехлены,
Привязаны веревки к реям,
И головы, как кочаны,
Хрустя, слетают с тонкой шеи.
Когда утихнет стон калек,
Команда выгребет на сушу,
Чтоб отыскать там не ночлег, -
Свои потерянные души.
И уязвимость, как парша,
Их изнутри однажды сглохнет.
Навек потеряна душа,
Но боль фантомная тревожит.
И будут жить – в глазах тоска –
Они бесчисленные годы,
И строить замки из песка,
И ждать у моря непогоды.

* * *

Клочковатая таволга в росах наволгла,
стонет иволга, прячась от всадницы странной,
скачет лесом дремучим коварная Ольга,
справа ангел летит, слева – бес окаянный.
Шторки ночи усеяны звёздным отточьем,
кто-то пишет историю пёрышком грачьим.

«Отомсти!» – бес талдычит своё и хохочет,
светлый ангел: «Прости!» – шепчет Ольге и плачет.
И когда в темноте обостряется зрение,
замечаешь: слетаются к спящей планете,
словно птицы с объятим огнем опереньем,
всех загубленных душ – цвета крови – кометы.

ЛЕГЕНДА О ПОЛНОЧНОМ ПРОХОЖЕМ

По улицам города бродит прохожий,
похожий на призрак, на морок похожий.
Всегда сторонится широких проспектов,
угрюмый задумчивый призрачный некто.
Лишь полночь ударит неслышно на башне,
выходит он в город искать день вчерашний.
И по тротуарам, как по бездорожью,
бредет, спотыкаясь, полночный прохожий.
Он прячется в арках и старых названиях,
Он – прошлое города, он – подсознание.
И смотрит сквозь годы, сквозь времени цепи,
Со старых открыток и выцветших сепий.

Он в памяти роется, он ворожит,
Как угли в потухшем костре ворошит.
Но только на небе проглянут лучи,
Запрется и в реку уронит ключи.

ГОРОД РУСАЛОК

Это не город, а водоём,
И у дождей в плену
Люди, как рыбы, плавают в нём
Или идут ко дну.

Кровью холодной из синих жил
Северных стылых рек
Город накрыло, и всех, кто жил
В нём. И строил Ковчег.

Серое небо над головой
Сеет унылый свет.
Твари по паре спасает Ной,
Ну, а непарных – нет.

Город русалок щерит зубы
Старых дворцов, домов.
Всяк одинок – и в воду концы,
Сгинул – и был таков.

Люк Ковчега задраен давно.
Дождик снаружи сник.
Слышно только: скребётся о дно
Острый рыбий плавник.

* * *

Дни, словно лепки с облаков,
Бесформенны и невесомы,
Потоком воздуха несомы,
Подсвечены сияньем снов.
Остались в прошлом февральи,
Весенний дождь ладони лижет,
Отныне ничего нет ближе,
Чем очертания земли.
От замысла – великий путь
До Промысла, совсем не близкий,
Я доберусь до церкви Свирской,
Чтоб снова крыльями взмахнуть.
Блеснуть в предутренней дали
Бесшумным, светлым опереньем
И медленно вершить паренье
Над испареньями земли.

* * *

Белым снегом, остывшей золой
Дни прикроют ржавое днище,
Запорошат мой ветхий постой -
Старый дом, земное жилище.
Кто я в мире? Молчит небосвод,
Только свист разбойного ветра.
Путь уходит в крутой поворот,
А за ним остаются метры...
Больше я не гонюсь за тобой,
Переменчивая удача,

Кто-то там, за сплошной пеленой,
Ждёт меня и уже маячит.
И уже зажигает огонь,
Чтобы я прочла все ответы,
И уже надевает фелонь
Из частиц слепящего света.

* * *

*Il pleure dans mon coeur.*¹

Поль Верлен

Стекает по стеклу вода,
Дождь плачет в сердце у Верлена,
Но я-то знаю, здесь – подмена,
Дожди не плачут никогда.
Антропоморфность – это спесь,
Все чувства – химия и только,
Но истины – не доля, долька -
В словах француза всё же есть.
Мопсоеур – как коркой поросло,
il pleure – кто плачет среди ночи,
Разматывая снов клубочек,
Дыша на влажное стекло?
Как в шерстяную шаль, в печаль
Завернуты сады, кварталы,
Дома, и парки, и вокзалы,
И жизни близь, и смерти даль.
А пальцы бьют по скатам крыш
Код Морзе, слов тире и точки.
Дождь – шифровальщик и подстрочник,
Анапеста блажная мышь.

¹ В моем сердце идет (плачет) дождь (фр.)

ПЧЕЛИНЫЙ ПУТЬ

Восходит к небесам Пчелиный путь,
За роем мыслей тянется забвенье,
Сирен небесных сладкогласно пенье
И манит, чтоб на рифы рифм толкнуть.
Дыханье жизни или проводник
В загробный мир, где царственный Вергилий
Плетет венки из белоснежных лилий,
И падают они в живой родник.
Над ним клубится животворный пар,
В дремучих зарослях густой мелиссы
Неслышно зреют замыслы и смыслы,
И пчелы собирают их нектар.
Жужжит в прохладной чашечке цветка
Упорная добычливая жрица,
Пусть жизнь ее одно мгновенье длится,
А вечность, словно память, коротка.

* * *

Небо вздрагивает гулко,
То мрачней, то лучась,
Удалась моя прогулка:
Сверху – дождик, снизу – грязь.
Не грущу о дне вчерашнем,
Не стяжаю благодать.
Мне теперь уже не страшно
Время попусту терять.
Польхнула осень шалью
И сожгла себе наряд,
У её шальной печали
Слезы в двадцать пять карат.
Ну, а я не жду удачи,
Удержаться б наплаву,
Не жалею и не плачу
И – тем паче – не зову.
Только кажется, что дышит
Голубой небесный пласт.
Он не дышит, и не слышит,
И мне грошик не подаст.
Надо мной, вгоняя в ступор,
Словно вопли сироты,

Завывает ветер – рупор
Неизбывной пустоты.
Холода всё ближе, ближе,
К горлу подступает ком.
И меня однажды слижет
Осень стылým языком.
Смоет дождик мелкий, хлябкий
Все приметы и штрихи,
Воробьиной стайкой зябкой
Упорхнут мои стихи.
Будет голос мой бродяжный
В небе сумрачном летать
И, шурша, как змей бумажный,
Будет вечность коротать.